

Дорогая Катенька!

Ташкент 2/11/33.

105

Ведь вот что подумное: уже писано твое второе
"неответственное" письмо. Первое (от редакции "Свободы")
я так внимательно и с изумлением читал, что даже
переслал его маме - она была в это время у мамы
в Москве - и так и не получила ответа. А сейчас
подумное твое письмо от Д.И., а между двумя
этими письмами - один дружок. Прости мое
молчание, оно - дань отпущенной замятости и
душистой лени (такова знаменитая! В отпуску
- я был занят и не ленился; возмущившись из
отпуска на свободу - по вечерам свободою, но не
хочу ничего делать...)

Насколько твое первое письмо дышало обычной
возрасткой, насколько второе "от Весника", с пощав-
кой на национальные качества (кезади: моему
сказав "еврейский язык Твоя", "еврейский Мерклер"
но - "еврейский Весник"? Это уже гальшиво, правда?)
Так в чем же дело, Катенька? Ты ведь пишешь
из отпуска на берегу моря? Очевидно, не личною
и личною пишу письмо, и
личною личною личною.

А внимательно прочел твоего драгу о том, что
серовые рукавицы - вещь хорошая, но не
человека, дешево купишь и дороже продашь. Жилу
руку! Я тоже слышал, что человеческая история до
сих пор делается - и для поколений вперед, но
уже иная - дура делаясь "серовыми рукавицами",
а не ценовыми. И если бы требовали их для
обузданных горнаша в человеке, то не менее ценово
они для обузданных всех ценовых мильонных
цен, из которых состоит портрет героя нашего
времени, - идеализация, трезвое сознание, да,
серовые рукавицы, надежные на могошевые руки,
способные, когда надо, сража, а когда надо - много
держав, - это очень не плохо. И об этом ^{тоже} очень

105
05
письмо сказано было суровым Карлом самодержцем
нашему папу.

Ты пишешь, что Павки отец выжидает утешения.
Ну а Пава сам где? Он уехал из Белыни? Я-де
очень хотел знать, что с ним стало. Павка, Павка,
друг детства! («и цограчная смешина, выказива
лись из его правого глаза, тако унама в левый
боковой камач его фрешега»....) Нет, ездиво-еши,
узнаешь или слышишь, что-то сделалось с Павкиком,
— напиши, казенька.

От Левы я стал значительно реже получать
письма. Я не серяю раданных и для того, чтобы
быть оптимистом, в воцросе о своей ближайшей
уради. Но он не верит, или цогра не хочет верить
этим данным. Очевидно, своеобразная психичес-
кая «шмилка»: не «очажывавая», чтобы позом
как «шмилка»: не «раочажывавая». По словам, их
как-нибудь не «раочажывавая». По словам, их
знакомого, недавно посещавшего меня, — и он, и

Дзя очень «сумрачные», и оба не умеют создать
шмилку домашней спокойствия. Это похороше
на действительное.

В Москве была была у врача-француза. Репорта
осмотра — мало утешительное: следы Тамаринских
решиений — очень заметны. Цена, при анимационной
ситуации, трудно определить. Ответ, достойный
дальнейшего анализа. Я понимаю, что требуется
от медицины марксистских групп — несколько
ко изредка, при существующем уровне
науки о человеческом организме. Но — «мне от
этого ни лекчи», как говорил Дельвиз Безвиль.
Воцрос о создании «аналогичной ситуации» —
— озадачив, похороше, отхороше.

Ну, вот пока всё. Это-то не пишется. Не рас-
скажешь — ни о содвиге, ишевице, ни о
вае в последние время.

Сердечный привет от Беллы.

Крепко люблю тебя
и всех родственников

Твой Вольф